

Экономическая методология и экономическая политика: есть ли связь?

1. Вопрос о влиянии экономической теории на экономическую политику является дискуссионным с давних пор и по сей день. Приведем для примера различные позиции великих экономистов двадцатого века. С одной стороны, это Дж.М. Кейнс и Ф.Хайек, которые, отстаивая совершенно разные курсы экономической политики, оба верили в возможность влияния на нее со стороны экономистов-теоретиков и пытались воспользоваться этой возможностью. С другой стороны, это В.Парето и Дж. Стиглер, которые считали, что реальное влияние экономических теорий на политику пренебрежимо мало и полагали, что и экономическая наука, и экономическая политика одновременно порождаются текущей ситуацией и интересами доминирующих слоев общества.

2. Нас интересует связь с политикой экономической методологии точнее той ее части, которая называется экономической онтологией. «Онтологии фиксируют типы элементов экономической реальности, которыми оперируют соответствующие теоретические структуры, а также типы свойств этих элементов, связей и отношений между ними»¹. Таким образом, к онтологии каждой теории относится ее модель человека, представление об экономических субъектах (независимые индивиды, организации, социальные группы и классы) и концепция их координации (равновесие, эволюция, созидательное разрушение и т.д.). Другие названия для онтологий – шумпетеровское «видение», предпосылки.

3. Как показывает опыт, особенно усиленными методологическими дискуссиями обычно сопровождаются мировые экономические кризисы. Такой период мы переживаем сегодня в связи с текущей «Великой рецессией». Критика бывает, в первую очередь, направлена на преобладающую макроэкономическую теорию, «отвечающую», как предполагается, за несостоятельную перед лицом кризиса макроэкономическую политику. Затем очередь доходит до микроэкономического этажа, на котором исследуется функционирование отдельных рынков и до лежащих в основании экономической теории онтологических предпосылок. Во время кризиса нереалистичность этих предпосылок, которая обычно переносится вполне терпимо, проявляется особенно ярко и начинает подвергаться критическому осмыслению.

¹ Ананьин О.И. Экономические онтологии как объект и инструмент познания.//Теоретическая экономика: онтология и этика. Сборник (под ред. О.И.Ананьина). М.: ИЭ РАН, 2013. С.10.

4. Казалось бы, экономическая методология должна находиться еще дальше от политики, чем экономическая теория. Однако возможна и обратная гипотеза. Формирование онтологии является преданалитической стадией научного исследования, на нее, как и на политику, могут оказывать влияние идеологические факторы. Поэтому возможно, что связь экономической онтологии и политики (через голову экономической теории) может оказаться существенной. В то же время сама экономическая теория, стремящаяся к логической непротиворечивости, в принципе должна быть идеологически нейтральной.

5. Вопрос о реалистичности предпосылок экономических теорий обсуждался в методологической литературе 60 лет назад, причем высказывались полярные взгляды: от необходимости эмпирической проверки предпосылок (Т.Хатчисон) до принципиальной несущественности их реалистичности (М.Фридмен). Наиболее влиятельной оказалась позиция Ф.Махлупа, который отнес предпосылки к непроверяемому твердому ядру соответствующей научно-исследовательской программы. Но вопрос о реалистичности предпосылок, сам по себе важный, стоит отделить от вопроса об их идеологической обусловленности и политической направленности.

6. Экономическая наука по природе своей обречена на методологический плюрализм. Сам объект исследования экономической и других общественных наук – человеческое поведение, особенно агрегированное - слишком сложен, чтобы создать точную исчерпывающую науку, его описывающую и тем более предсказывающую. С одной стороны, такой объект невозможно исследовать без радикальных упрощающих абстракций, относящихся к человеку и миру, в котором он действует. С другой, такие упрощения уводят исследователя достаточно далеко от реального *объекта*, превращая его в специфический *предмет* – например, поведение «экономического человека» в условиях гармоничного мира. Отсюда непреодолимый дуализм экономической науки, так называемая «дилемма строгости и реалистичности» (Т.Майер).

7. В зависимости от того, какому члену этой дилеммы отдается предпочтение, можно выделить два подхода, канона или «типа экономической науки» (Райнерт Э., 2011).. Мы в дальнейшем будем использовать термин «канон». Первый из канонов стремится к «строгости» хочет достичь универсальных истин, ориентируется на естественнонаучный идеал. Основная теоретическая проблема здесь – взаимодействие независимых атомистических экономических агентов. Первый канон приблизительно включает физиократию, классическую политическую экономию и неоклассическую теорию. Вторым, «менее абстрактный» канон стремится к «реалистичности». Его целью является создать *непосредственно полезную* экономическую теорию на основе некоторого описания реального

мира. К представителям второго канона можно отнести меркантилистов, представителей исторической школы, американских институционалистов (по крайней мере, Коммонса и Митчелла), Кейнса, немецких ордолибералов.

8. Каково отношение двух канонов к экономической политике? Абстрактная природа первого канона, казалось бы, не дает возможности выходить на непосредственные политические рекомендации – число «прочих», которые обязаны быть «равными», слишком велико. Однако это не может удержать представителей первого канона от искушения вмешаться в вопросы политики. Второй канон по определению связан с политикой и не скрывает эту связь. Более конкретный подход позволяет учесть много аспектов реальности, которые можно изменить к лучшему с помощью активной политики. Однако такая политика всегда делается *ad hoc* и ее теоретическая обусловленность, может быть, еще менее очевидна.

9. Есть ли корреляция между степенью абстракции данного канона и вытекающими из нее политическими рекомендациями? Недавно положительный ответ на этот вопрос дал норвежский экономист Эрик Райнерт. Согласно его концепции свобода торговли и абстрактная экономическая теория коррелируют так же, как активное государственное регулирование (внешнеторговый протекционизм, промышленная политика и др.) и более конкретная теория. То есть, если абстракция – мать порядка, то порядок рыночного. Эта гипотеза интуитивно правдоподобна: абстрактная экономическая теория первого канона, основанная на идеальной схеме взаимодействия свободных индивидов, действующих по законам собственного интереса и конкуренции хорошо согласуется с экономическим либерализмом. Изначально же прикладные концепции второго канона имеют свои адресатом лиц, проводящих активную государственную политику.

В данной работе мы попробуем проверить эту гипотезу на историческом материале.

10. К середине XIX века в экономической науке сложились два противостоящих друг другу течения, представляющие наши два подхода: классическая политическая экономия (преимущественно британская) и историческая школа (преимущественно немецкая). Наиболее яркими представителями этих подходов можно назвать Д.Рикардо и Ф.Листа. Их корреляция с фритредерством и протекционизмом несомненна.

11. Маржиналистская революция, в целом, несомненно способствовала усилению абстрактности экономической теории, которую мы связываем с первым канонам. Однако реальная картина намного более сложна. Дело в том, что степень абстракции может быть настолько велика, что такие важнейшие экономические институты как форма собственности или свобода контрактов легко могут «выпасть» из анализа. Поэтому маржиналистская теория оказалась совместимой и с либерализмом, и с социализмом

(например, в число основоположников австрийской школы маржинализма входили сторонники свободного предпринимательства Менгер и Бем-Баверк, и поборник социализма Визер). Во время знаменитых дебатов о возможности экономического расчета при социализме просоциалистические аргументы Ланге и Лернера были сугубо абстрактными, основанными на модели общего равновесия, а антисоциалистические аргументы Мизеса и Хайека были связаны с реальным несовершенством имеющейся у экономических субъектов информации. Что же касается таких оппонентов маржинализма, как американские институционалисты, то они (по крайней мере, Коммонс и Митчелл) относились и к второму канону, и к противникам полностью свободного рынка.

12. В макроэкономических дебатах 1930-х годов теория сражавшегося с «классиками» Дж.М. Кейнса явно представляла второй канон и была направлена на активное государственное вмешательство в экономику. Олицетворяющий «классиков» А.С.Пигу, был наследником и продолжателем дела Маршалла, который стремился синтезировать два канона. Но, по сравнению с Кейнсом, он ближе к строгому и абстрактному первому канону.

Реальный противник Кейнса в области теории экономической политики Ф.Хайек был одновременно абстрактнее него в понимании экономической системы и конкретнее в понимании информации, доступной тем, кто делает экономическую политику государства.

13. С 1930-х годов экономисты-теоретики в преобладающей своей части решили дилемму «строгость или реалистичность» в пользу первой. При этом наблюдалось известное под именем «великого неоклассического синтеза» противоречивое Дальнейшее развитие микроэкономической теории проходило в русле вальрасианского подхода общего равновесия. Ключевую роль здесь сыграл. В то же время, за макроэкономику и макроэкономическую политику отвечала намного более конкретная теория Джона Мейнарда Кейнса, хотя в области теории «наследники» Кейнса (начиная с Хикса) практически мгновенно формализовали его подход. Наилучшим образом олицетворил эту раздвоенность создатель термина «великий неоклассический синтез» Пол Самуэльсон, который в области микроэкономики был великим формалистом, а в области макроэкономической политики - верным кейнсианцем. На какое-то время местом обитания второго канона стала также экономика развития, прежде всего, идеи Г.Мюрдаля, определившие политику Всемирного банка – поддержку индустриализации, импортозамещения и т.д.

14. В 1980-е годы после глубокого кризиса 1974-75 годов маятник качнулся в сторону усиления первого канона. Неоклассическая теория освоила новые области: макроэкономику, экономику труда, экономику развития и пр. Процесс создания микроэкономических оснований

макрэкономике был по сути чисто формалистическим. Использование строгих формальных моделей, опирающихся на подход общего равновесия, считалось одним из основных путей прогресса в экономической науке. Связь этой тенденции с переориентацией экономической политики очевидна. Вспомним хотя бы теоретический тезис Р.Лукаса о недейственности государственной макроэкономической политики, который можно было бы назвать теоретическим знаменем «консервативной контрреволюции» в этой области. Вообще опыт показывает, что макроэкономические дискуссии представляют собой битву абстракций, в которой не обязательно всегда побеждают более абстрактные или менее абстрактные теории, а те, которые согласуются с наиболее важным фактом момента, будь-то вынужденная безработица 1930-х или стагфляция 1970-х. Мировая мода в области экономической политики, действительно, сместилась в сторону либерализации внутренних и внешних рынков, приватизации, финансовой стабилизации. В последние десятилетия XX века МВФ и Всемирный банк настойчиво рекомендовали всем без исключения странам политику либерализации хозяйственной деятельности, в том числе внешней торговли.

15. Примерно к 2000 году положение постепенно, но заметно изменилось. Это особенно заметно по статистике журнальных публикаций, содержащих эмпирические данные. Их доля в этот период сильно возросла. Роберт Солоу отметил, что современные экономисты «одержимы данными». (Solow R.,1997. P.57). Эти статьи, имеющие эмпирическую направленность очень разнородны, они включают эконометрические исследования с реальными статистическими данными, а также теоретические модели отражающие какие-то черты реального мира.² Большая их часть, но далеко не все, использует инструментарий теории игр. Эта группа расположена как бы между чистой теорией и эмпирическими исследованиями.

Этот разворот к реальности, который можно было бы назвать «новым эмпиризмом», кажется, еще не получил достаточного рассмотрения в методологической литературе. Степень абстракции и теоретической строгости в этих моделях существенно меньше, чем в моделях общего равновесия. (Французский экономист Бернар Валлизе называет этот феномен «ослаблением моделей». (Walliser, 2009. P.241).. Новый эмпиризм похож на новый институционализм - новая реальность исследуется с применением в общем - то традиционных, но несколько модифицированных моделей. Определить принадлежность этих новых моделей к тому или иному канону часто затруднительно.

Наряду с «разворотом к реальности», в современном мейнстриме надо отметить нарастание разнородности, в него стали в какой-то части входить поведенческая, институциональная и эволюционная экономика. Эти подходы

² Согласно исследованию П.Дасгупты, категория, к которой он относит эмпирические и экспериментальные исследования, включала 156 статей, а «прикладная теория» - 100 статей из 281, опубликованной в журнале American Economic Review с 1991 по 1995 г. 25 статей он отнес к области «чистой теории». (Dasgupta P. 2002. P.79).

(их принято называть гетеродоксальными), в общем, ближе ко второму канону, чем к первому. Что касается уровня экономической политики, то здесь мы видим пересмотр тезисов Вашингтонского консенсуса, повышенное внимание к институтам экономического развития, включая государственную экономическую политику. Поворот к «новому регулированию», видимо, ускорится в результате текущего экономического кризиса.

16. Что касается проверки «гипотезы Райнерта», то на большинстве рассмотренных нами исторических примеров она подтверждается. Однако имеющиеся исключения заставляют быть более осторожными.

Попробуем сформулировать следующую гипотезу: абстрактная экономическая теория рекомендует политику, основанную на ограниченном числе принципов, каковы бы они ни были. Под эту рубрику подходят как политика экономического либерализма, так и полная централизация экономической деятельности. Политика же, рекомендуемая более конкретной теорией всегда менее «принципиальна», связана с ситуацией и избирается *ad hoc*.